

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.50.1>**МАРКЕРЫ КОНФЛИКТОГЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Р. СЕНЧИНА «ЕЛТЫШЕВЫ»)**

Научная статья

Зубарева А.В.¹*¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (zubareva144[at]yandex.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются средства репрезентации конфликта в художественном тексте. В работе исследуются основные лексические единицы, обладающие максимальным конфликтопорождающим потенциалом, в романе Р. Сенчина «Елтышевы». Эти лексемы не обязательно являются ключевыми словами самого текста, выражающими его важнейшие ценностные установки. Речь идет о наиболее частотных конфликтогенах, которые позволяют оценить конфликтную составляющую текста. Автор уделяет внимание тому, что функционирование конфликтогенов в романе Р. Сенчина далеко не ограничивается описаниями конфликтных ситуаций или ситуаций, которые могли бы непосредственно перерасти в конфликт. Кроме того, приведенные автором примеры показывают, что в художественном тексте может иметь место конфликт, который является внутренним, переживается в субъективном измерении и не выходит за пределы личности. В этом отношении художественная литература, которая с высокой достоверностью моделирует психические процессы человека, может быть важным источником для понимания стадий созревания и разворачивания конфликта, особенно в плане скрытой от внешнего наблюдателя внутренней стадии.

Ключевые слова: художественный текст, конфликтоген, конфликтогенность, конфликтогенный текст, лексема.

MARKERS OF THE CONFLICT POTENTIAL OF THE FICTION TEXT (ON THE MATERIAL OF R. SENCHIN'S NOVEL "THE ELTYSHEVS")

Research article

Zubareva A.V.¹*¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

* Corresponding author (zubareva144[at]yandex.ru)

Abstract

The article examines the means of conflict representation in the fiction text. The work studies the main lexical units with maximum conflict-provoking potential in R. Senchin's novel "The Eltyshevs". These lexemes are not necessarily the keywords of the text itself, expressing its most important value attitudes. It is about the most frequent conflictogens, which allow to evaluate the conflict component of the text. The author pays attention to the fact that the functioning of conflictogens in Senchin's novel is far from being limited to descriptions of conflict situations or situations that could directly develop into a conflict. In addition, the examples given by the author show that in a fiction text there can be a conflict that is internal, experienced in a subjective dimension and does not go beyond the individual. In this respect, fiction, which models human mental processes with high accuracy, can be an important source for understanding the stages of conflict maturation and unfolding, especially in terms of the internal stage, which is hidden from the outside observer.

Keywords: fiction text, conflictogen, conflictogenicity, conflictogenic text, lexeme.

Введение

Роль категории конфликта в художественной литературе чрезвычайно велика. Давно признано, что конфликт составляет ядро проблематики художественного произведения, где он может проявляться и в событийной коллизии, и в образах реальных противоречий между персонажами или их группами, и в форме внутреннего конфликта, и в смысловых оппозициях, которые организуют противопоставление образов или определяют композиционное решение [4], [5, С. 165]. Художественное произведение закономерно отражает конфликтность, присущую социальной жизни. В этом отношении репрезентация конфликта в художественном тексте заслуживает самого пристального внимания, поскольку она позволяет глубже понять скрытые механизмы, управляющие социальной жизнью и психикой человека.

С другой стороны, исследовательское внимание к реализации конфликта в художественном тексте не ограничивается его интерпретацией и, шире, литературоведческой проблематикой. Действительно, мы можем рассматривать средства репрезентации конфликта в художественном тексте, то есть не выходя за пределы лингвистической поэтики. Однако не меньший интерес представляет самостоятельный анализ лингвистических маркеров конфликтности и лексических маркеров конфликтогенности (ЛМК) в том виде, в котором они функционируют в тексте.

Основные результаты и обсуждение

Н. В. Карповская и соавторы выделяют три основных признака лексических маркеров конфликтогенности:

- 1) отрицательная оценочность;
- 2) эмоциональная окраска;

3) высокий когнитивно-прагматический потенциал в плане выражения агрессивности, воинственности, враждебности, нетерпимости и т. д. [3, С. 18].

Необходимо подчеркнуть, что все эти признаки самым тесным образом связаны. Конфликт возникает там, где некоторое явление, оцениваемое сугубо отрицательно, воспринимается преимущественно эмоционально, а вербализация этого отношения является существенным шагом в формировании и/или развитии межличностного либо социального конфликта.

В качестве материала для исследования в данной статье выступает роман Р. Сенчина «Елтышевы» [8]. С лингвистической точки зрения в романе имеется три основных лексических маркера конфликтности, то есть лексических единицы, обладающих максимальным конфликтующим потенциалом и при этом обладающих высокой частотностью: *алкаш* (13 вхождений), *враждебный* (6 вхождений) и *урод* (4 вхождения).

Таблица 1 - Функции лексем в конфликтной ситуации

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.50.1.1>

Лексема с конфликтующим потенциалом	Количество вхождений	Функции в конфликтной ситуации
алкаш	13	1. Маркирование сюжетной коллизии и смысловая организация пространства художественного текста
		2. Выражение авторской позиции
		3. Выражение позиции персонажа и маркирование его внутреннего конфликта
враждебный	6	1. Маркирование сюжетной коллизии и смысловая организация пространства художественного текста
		2. Маркирование внутреннего конфликта персонажа
урод	4	1. Обозначение триггера в ситуации межличностного конфликта
		2. Маркирование межличностного конфликта

Относительно высокая частотность этих лексем позволяет считать их значимыми для текста и относить к актуализированной лексике [9]. Эти лексемы не обязательно являются ключевыми словами самого текста, выражающими его важнейшие ценностные установки. Речь идет о наиболее частотных конфликтующих, которые позволяют оценить конфликтную составляющую текста. Впрочем, лексема *алкаш* является центральной для художественного мира произведения. Гибель людей в камере, которых герой и автор характеризуют как «алкашей», становится переломом в жизни героя; кроме того, «алкаши» сопровождают его и в деревне, куда он переезжает с семьей после совершенного им преступления и потери работы.

Естественно ожидать, что конфликтующие будут выступать в качестве описаний конфликтных и предконфликтных ситуаций, то есть ситуаций, которые могут перерасти в конфликт. В романе действительно обнаруживаются такие употребления, ср.: *Лет в тринадцать Артем оказался свидетелем совсем глупого убийства. Сидели в скверике компанией – все хорошо знали друг друга, в одной школе учились. И один из старшаков, Володька Егоров (было ему лет семнадцать), в разговоре сказал другому, тоже старшаку, Жеке Звереву: «Иди в жопу». Не послал даже, а так, в значении «да ну тебя». Жека вскочил со скамейки: «Чё ты сказал, урод?!» И началась у них словесная перепалка, с матом, с «ну-ка иди сюда». А потом Жека выхватил из кармана отвертку и ткнул Володьку в грудь.*

Обратим внимание, что в приведенных примерах конфликтующие функционируют в контексте кратко описываемой ситуации, развитие которой совершенно очевидно для читателя. При этом описание включает не только последовательность событий (реплик, действий персонажей), но и упоминание невербальных знаков (*Жека вскочил со скамейки*), которые обладают высоким конфликтующим потенциалом [1].

Лексические маркеры конфликтности могут выступать в качестве выражения уже существующего конфликта, а не в качестве «триггера», который его вызывает. Это можно проиллюстрировать следующим примером: *Уже погоняемый криками и тычками тещи и тестя, выбежал за калитку. Оглянулся, крикнул сдавленно, сквозь спазмы и дрожь: – Суки! Уроды вонючие!* Из этого фрагмента видно, что восклицания персонажа являются продолжением конфликта. В этом смысле данное восклицание напоминает вторую фразу из предыдущего примера, которая является

продолжением конфликта, ответом на другую фразу, оцениваемую как конфликтогенную. Впрочем, в этом примере предшествующая часть конфликта не сводится к вербальному взаимодействию.

Тем не менее функционирование конфликтогенов в романе Р. Сенчина далеко не ограничивается описаниями конфликтных ситуаций или ситуаций, которые могли бы непосредственно перерасти в конфликт. Обращает на себя внимание то, что лексические маркеры конфликтогенности далеко не всегда фигурируют в тексте в рамках описания конфликта и даже не в прямой речи персонажа, адресованной другим персонажам. Например, для лексемы *алкаш* более характерна позиция в авторской речи, которая представляет события романа глазами его героев, то есть в контексте несобственно-прямой речи [10, С. 225]: *Тридцать пять лет почти прослужил. Тридцать пять лет – и ни разу не столкнулся ни с одним настоящим преступником, ни одного бандита не видел. Все какие-то мелкие хулиганы, семейные скандалисты и алкаши, алкаши, алкаши. И в вытрезвителе, и до того...; Слава богу, за спиртом приходили исправно. Даже тот рейд по деревне алкашей не отпугнул... В отдельных случаях употребление этой лексемы выражает скорее авторскую позицию: ...сам он вместе с Валентиной – известные по всей деревне торговцы спиртягой, и сколько несчастных жен местных алкашей их проклинают. А алкаши или те, кто вот-вот в них превратится, или круглые сутки: кажется, почти все взрослое Мураново у них тут перебивало. Стоит обратить внимание на выбор лексемы *алкаш*, которая является грубо-просторечной и выражает пренебрежительное отношение главного героя к людям, с которыми ему приходится по долгу службы постоянно иметь дело.*

В то же время такие употребления нельзя считать авторской речью, они действительно тяготеют к позиции внутренней речи персонажа. Это хорошо видно в следующем примере: *Дежурка невелика, сумрачна, и несколько ламп не могут наполнить ее светом, жизнью... Стены шершавые, окрашенные в бледно-зеленый цвет, два окна, зарешеченные, заросшие пылью, кажутся черными провалами. Вдоль стен – скамейки без спинок, слева от входа узкий обезьянник для буйных задержанных; стол стоит напротив входа, и почти за спиной Николая Михайловича – лестница. Скоро по ней поволокут пьяных, и снизу будут лететь крики, рычание блюющих и матерящихся алкашей. «Ох, как все надоело», – поморщился Елтышев. Обратим внимание, что лексема *алкаши*, которая выступает с усиливающими ее отрицательную оценочность атрибутами *блюющие* и *матерящиеся*, непосредственно соседствует с внутренней речью персонажа, прямо выражающей его усталость, раздражение и отвращение и как бы подтверждающей единство оценок в несобственно-прямой и собственной речи персонажей. «Алкаши», с которыми по долгу службы приходится постоянно иметь дело главному герою романа, становятся символом реальности, в которой он существует.*

Приведенные примеры показывают, что в художественном тексте может иметь место конфликт, который является внутренним, переживается в субъективном измерении и не выходит за пределы личности, хотя и затрагивает разных персонажей. В этом отношении художественная литература, которая с высокой достоверностью моделирует психические процессы человека, может быть важным источником для понимания стадий созревания и разворачивания конфликта, особенно в плане скрытой от внешнего наблюдателя внутренней стадии.

Кроме того, этот момент является важным для понимания романа Р. Сенчина. Это можно показать на примере лексемы *враждебный*, которая в тексте романа встречается шесть раз, а в трех употреблениях имеет обобщенный смысл, не связанный с теми или иными субъектами: *Ноги не шли, всё вокруг – люди, светофоры, машины, дома – казалось враждебным, готовым накинуться и задавить или, слюняво взвизгнув, начать совать ей в глаза ту газету... И город, в котором прожила в общей сложности тридцать два года, давно считала родным, тоже был враждебен, был уже не ее, чужим; Несколько первых дней Артем никуда за ограду не выходил, только за водой. Территория по ту сторону забора была враждебной, опасной, хотя людей он видел мало – изредка пробредали старики и старухи с матерчатými сумками в магазин, быстро протопывали мужички, прокатывался на звенящем велике какой-то пацаненок. Враждебные отношения с миром, враждебность мира по отношению к человеку являются доминантой художественного мира романа «Елтышевы». Такого рода отношения, по большому счету, являются источником всех остальных частных конфликтов, которые описываются на страницах романа.*

Заключение

Таким образом, лексические маркеры конфликтогенности играют важную роль в структуре романа Р. Сенчина «Елтышевы». Конфликтогенная лексика не является в романе максимально частотной, но в то же время выполняет в романе важные функции. С одной стороны, она выражает важные аспекты художественного мира произведения, а в отдельных случаях (лексема *алкаш*) пересекается с центральными для романа поворотами сюжета, выражая эмоциональную оценку персонажем условий его существования. Хотя лексемы-конфликтогены встречаются в описании ситуаций, которые действительно являются прямыми конфликтами между персонажами, функция формирования конфликтной атмосферы, характеризующей жизнь персонажей в целом и их внутренний мир, для них характерна в не меньшей степени.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Funding

The research was supported by the Strategic Academic Leadership Programme of the Southern Federal University ("Priority 2030").

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Белоус Н.А., Конфликтный дискурс vs конфликтный текст / Н.А. Белоус, Н.В. Осколкова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2007. — № 4-II. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnyy-diskurs-vs-konfliktnyy-tekst-1> (дата обращения: 15.05.2023).
2. Боева Е.Д. Паралингвистический знак как конфликтоген (на материале произведений художественной литературы) / Е.Д. Боева, Е.А. Кулькина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 4 (34). — Ч. III. — С. 37-40.
3. Карповская Н.В. О конфликтном дискурсе, лексических маркерах конфликтогенности и их когнитивно-прагматическом потенциале / Н.В. Карповская, И.Р. Абкадырова, И.И. Давтянц // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. — 2022. — № 1 (2). — С. 14-25.
4. Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 5. Каани — Кюхельбекер. — М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1931. — 784 с. — URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/> (дата обращения: 15.05.2023)
5. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.
6. Осколкова Н.В. Конфликтный текст и языковая личность / Н.В. Осколкова // Записки Горного института. — 2008. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnyy-tekst-iyazykovaya-lichnost> (дата обращения: 15.05.2023)
7. Перов Е.В. Концепция конфликтогенности общества / Е.В. Перов, М.Б. Перова // УЭКС. — 2014. — №12 (72). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiyakonfliktogennosti-obschestva> (дата обращения: 15.05.2023)
8. Сенчин Р.В. Елтышевы / Р.В. Сенчин. — М.: Эксмо, 2010. — 316 с.
9. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века / И.А. Стернин. — Воронеж, 2004.
10. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Языки славянской культуры, 2003.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Belous N.A., Konfliktnyj diskurs vs konfliktnyj tekst [Conflict Discourse vs Conflict Text] / N.A. Belous, N.V. Oskolkova // Vestnik SPbGU. Jazyk i literatura [Bulletin of SPbSU. Language and Literature]. — 2007. — № 4-II. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnyy-diskurs-vs-konfliktnyy-tekst-1> (accessed: 15.05.2023). [in Russian]
2. Boeva E.D. Paralingvisticheskiy znak kak konfliktogen (na materiale proizvedenij hudozhestvennoj literatury) [Paralinguistic Sign as a Conflictogen (on the material of works of fiction)] / E.D. Boeva, E.A. Kul'kina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. — 2014. — № 4 (34). — Pt. III. — P. 37-40. [in Russian]
3. Karpovskaja N.V. O konfliktnom diskurse, leksicheskikh markerah konfliktogennosti i ih kognitivno-pragmaticheskom potentsiale [On Conflict Discourse, Lexical Markers of Conflictogenicity and Their Cognitive-Pragmatic Potential] / N.V. Karpovskaja, I.R. Abkadyrova, I.I. Davtjanc // Bjulleten' gumanitarnyh issledovanij v mezhdisciplinarnom nauchnom prostranstve [Bulletin of Humanities Research in Interdisciplinary Scientific Space]. — 2022. — № 1 (2). — P. 14-25. [in Russian]
4. Literaturnaja jenciklopedija: V 11 t. T. 5. Kaani — Kjuhel'beker [Literary Encyclopaedia: In 11 vol. Vol. 5. Kaani — Kuchelbecker]. — M.: Moscow: Publishing House of the Communist Academy, 1931. — 784 p. — URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/> (accessed: 15.05.2023) [in Russian]
5. Literaturnyj jenciklopedicheskiy slovar' [Literary Encyclopaedic Dictionary] / Under gen. ed. of V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. — M.: Soviet Encyclopaedia, 1987. — 752 p. [in Russian]
6. Oskolkova N.V. Konfliktnyj tekst i jazykovaja lichnost' [Conflict Text and Language Personality] / N.V. Oskolkova // Zapiski Gornogo instituta [Notes of the Mining Institute]. — 2008. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfliktnyy-tekst-iyazykovaya-lichnost> (accessed: 15.05.2023) [in Russian]
7. Perov E.V. Konceptija konfliktogennosti obshhestva [The Concept of Conflictogenicity of Society] / E.V. Perov, M.B. Perova // UJekS [UECS]. — 2014. — №12 (72). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiyakonfliktogennosti-obschestva> (accessed: 15.05.2023) [in Russian]
8. Senchin R.V. Eltyshevy [The Eltyshevs] / R.V. Senchin. — M.: Jeksmo, 2010. — 316 p. [in Russian]
9. Sternin I.A. Obshhestvennye processy i razvitie sovremennogo russkogo jazyka. Ocherk izmenenij v russkom jazyke konca HH veka [Social Processes and the Development of the Modern Russian Language. Sketch of Changes in the Russian Language at the End of the Twentieth Century] / I.A. Sternin. — Voronezh, 2004. [in Russian]
10. Schmid V. Narratologija [Narratology] / V. Schmid. — M.: Languages of Slavic Culture, 2003. [in Russian]